

УДК 94 (532) + 28 +327.8 (470:532)

В. В. Наумкин

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВСЕМУСУЛЬМАНСКИЙ КОНГРЕСС В САУДОВСКОЙ АРАВИИ¹

Аннотация: В статье представлены малоизвестные страницы истории всемусульманских конгрессов и халифатистского движения XIX – первой трети XX вв. Автор раскрывает тесную взаимосвязь концепции халифата и идей мусульманского единства, а также причины провала попыток реализовать подобные проекты на практике в османскую эпоху. Историческая картина подготовки и проведения первых всемусульманских конгрессов в Каире и Мекке в 1926 г. представлена в контексте меняющейся системы международных отношений и процесса формирования нового геополитического пространства на Ближнем Востоке. Автор приходит к выводу о том, что исламский фактор стал эффективным инструментом внешней политики СССР, позволившим в 1920-е гг. усилить советские позиции в Аравии и в исламском мире.

Ключевые слова: всемусульманский конгресс, мусульманское единство, концепция халифата, СССР, Великобритания, Саудовская Аравия, Ибн Сауд, дипломатия

Vitaly V. Naumkin

SOVIET DIPLOMACY AND THE ALL-MUSLIM CONGRESS IN SAUDI ARABIA

Abstract: The article presents little-known chapters of the history of all-Muslim congresses and the caliphate movement of the XIX – the first third of the XX centuries. The author reveals a close link between the concept of the caliphate and the ideas of Muslim unity, as well as the cause of failed attempts to implement such projects in practice in the Ottoman era. The historical picture of the preparation and holding of the first all-Muslim congresses in Cairo and Mecca in 1926 is presented in the context of changing international relations' system and formation of new geopolitical space in the Middle East. The author comes to conclusion that the Soviet diplomacy was able to use the Islamic factor as an effective instrument of Soviet foreign policy and thereby to promote the Soviet interests in Arabia and the Islamic world in the 1920s.

Key words: all-Muslim congress, Muslim unity, concept of the caliphate, USSR, Great Britain, Ibn Saud, Saudi Arabia, diplomacy

Из истории всемусульманских конгрессов и халифатистского движения

Идея проведения всемусульманских конгрессов появилась задолго до ликвидации халифата Османов, но была так или иначе сопряжена с чрезвычайно важной для ислама концепцией халифата. Хотя османские султаны с 1516 г. одновременно обладали титулами халифов (первым стал носить этот титул

¹ Работа выполнена при поддержке Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Селим I), их право на верховную духовную власть в мусульманском мире поддерживалось далеко не всеми мусульманами. Поскольку они не происходили из племени курейшитов, султаны всегда, а особенно в период заката империи, нуждались в легитимации своих притязаний на халифат. Хотя, как справедливо отмечал известный американско-израильский исследователь истории мусульманских конгрессов Мартин Крамер, «теория халифата в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат» [19, *р.* 2; см. также: 17, *р.* 141–150].

Халифат османских султанов, как и саму идею сплочения всех мусульман, подрывали острые противоречия между суннитами и шиитами, причем это касалось, в первую очередь, отношений Турции с ее ближайшим соседом и соперником – Персией. Говоря о враждебности между этими двумя основными направлениями в исламе, английский востоковед Э. Г. Браун писал, как один персидский дервиш в Хои в северо-западной Персии хвастался ему, что вместе со своими товарищами-дервишами сопровождал русскую армию во время русско-турецкой войны, помогая русским своими молитвами [15, *р.* 323]. Тем не менее, в чем сходились многие западные востоковеды, экспансия Запада в исламский мир заставила суннитов и шиитов, пусть и на короткое время, помириться, отодвинув свои доктринальные разногласия.

Сомнения в легитимности халифата Османов высказывались уже в 70-х гг. XIX в. Одним из первых его публично подверг сомнению выступавший за освобождение Египта от колониальной зависимости не очень известный английский поэт викторианской эпохи Уилфрид Блант [14; 20], которого М. Крамер называет «социальным неконформистом и политическим романтиком». Мы знаем, что такие идеалисты-романтики, находившие очарование в суровой жизни Хиджаза того времени, которую они противопоставляли роскоши и блеску Константинополя, и зачастую воодушевленные исламскими ценностями, бывало, встречались среди англичан. При всем этом большинство из них верно служили имперским интересам Британии. После возвращения в Англию в 1879 г. Блант развивает свои идеалистические построения, возлагая на турок ответственность за упадок ислама, реформировать который, как он утверждал, можно было только под эгидой арабов, и выступая за перенос халифата из Стамбула в Мекку, из дома Османа к арабам-курейшитам [19, *р.* 10]. Идеи Бланта о реформах ислама и халифате нашли поддержку у известнейшего египетского мусульманского мыслителя-реформатора, ставшего в 1899 г. верховным муфтием Египта, Мухаммада Абдо², с которым британский поэт познакомился в 1881 г. [19, *р.* 26]. Другой близкий к Абдо рефор-

² Абдо Мухаммад (1849–1905) – знаменитый египетский общественный и религиозный деятель, просвещенный реформатор ислама, верховный муфтий Египта в 1899–1905 гг., ученик и соратник другого популярнейшего реформатора и идеолога панисламизма Джамал ад-Дина аль-Афгани (1839–1897), вместе с которым он основал в Париже «Общество аль-Урувва аль-Вуска» («Теснейшая связь») и получившую широкую известность газету под тем же названием.

матор, Рашид Рида³, в 1898 г. начал издавать религиозно-политический журнал «Манар», в первом номере которого была изложена идея созыва конгресса, которую султан-халиф Абдул Хамид II не поддержал.

Бывший сотрудник британского министерства по делам Индии Джордж Бердвуд (1932–1917) в серии писем в газету «Таймс» еще в 1877 г. называл османский халифат «узурпацией», утверждая, что он по праву должен принадлежать мекканскому шерифу и мусульмане «должны начать свое перерождение с избрания шерифа Мекки халифом Ислама» [27].

Единомышленником Бланта стал подружившийся с ним британский дипломат Джеймс Зохраб, назначенный консулом в Джидду в 1878 г. [19, р. 13–17]. Зохраб в январе 1880 г. в одной из своих депеш убеждал Форин Оффис в том, что мекканский шериф как прямой потомок пророка Мухаммада имел больше веса в исламском мире, чем османский халиф [24]. Консул даже выступал за «отделение Хиджаза от Османской империи и его аффилиацию с Британской империей, что в этом случае было бы завидной позицией для влияния на мусульман в Индии и везде» [19, р. 13]. Кроме того, он утверждал, что обнаружил в Хиджазе некую «разветвленную подпольную организацию из мусульман всех национальностей, целью которой было восстановление халифата арабов Хиджаза» [26], а шериф Мекки «так же хорош для мусульман, как папа для римско-католической церкви» [25]. Однако эти призывы в то время, когда Османы укрепляли свои позиции в Хиджазе, благосостояние которого зависело от субсидий из Константинополя, а шериф, назначаемый султанами, не имел ни реальной власти, ни высокой репутации в мусульманском мире, были сильно оторваны от действительности. В то же время этот экскурс в историю позволяет лучше понять амбиции шерифа Хусейна во время Первой мировой войны: мечта о восстановлении Хашимитского халифата, покоящаяся на убежденности в священном праве потомков пророка на власть, лежала в основе его планов. Можно предположить, что получить признание в качестве халифа для Хусейна было не менее важно, чем стать королем в части арабского мира.

Если перенестись в наше время, то надо заметить, что, по наблюдению автора данной статьи, некоторые представители рода Хашимитов и сегодня испытывают грусть по поводу утраты контроля над Хиджазом, происшедшей около сотни лет назад, хотя и не демонстрируют это публично. Даже через десятки лет после описываемых событий англичане опасались «хашимитского реваншизма».

Перечитывая депешы вышеназванных чиновников, хранящиеся в Национальном архиве Великобритании в лондонском районе Кью Гарденз, трудно отделаться от мысли о некоторой необычности практики, когда обладавшие формальным дипломатическим статусом лица позволяли себе в официальной переписке (и не только) выступать с довольно рискованными предложениями по поводу региональной политики Лондона. Нетрудно предположить, что их пози-

³ Рида Мухаммад Рашид (1865–1935) – сирийско-египетский общественный и религиозный деятель, реформатор ислама, по взглядам близкий к салафитам, которого считают предтечей «Братьев-мусульман», автор *тафсира* (толкования Корана). Родился в османской Сирии, в городе Каламуне близ Триполи, переехал жить в Египет, выступал за возрождение Арабского халифата, государства, которое жило бы по законам шариата.

ция была навеяна беседами с наиболее яркими, неординарными представителями арабской интеллектуальной элиты и не могла не сказываться на их повседневной работе. Визы, которые ставили на их депешах начальники, далеко не всегда были благоприятными, что очень напоминает ситуацию в советском дипломатическом и иных ведомствах того времени.

Что же касается идеи созыва всемусульманского конгресса, то она, по М. Крамеру, впервые стала известной в письменной форме благодаря все тому же У. Бланту, который активно распространял ее среди влиятельных мусульман.

Концепция проведения всемусульманского конгресса была соединена с халифатским проектом и в концепции известного арабского мыслителя сирийского происхождения Абдеррахмана аль-Кавакиби (1854–1902), который, как принято считать, впервые детально описал такой воображаемый конгресс в своем ставшем популярным в арабском мире трактате «Умм аль-Кура»⁴, который он опубликовал под псевдонимом ас-Сейид аль-Фурати (Господин с Евфрата) в Каире в 1900 г. Аль-Кавакиби выдвинул требование, чтобы существовавший османский халифат был заменен на арабский курейшитский с центром в Мекке «в тесной смычке с всемусульманским конгрессом» [19, р. 30]. Можно ли назвать эту концепцию панисламистской? С некоторыми оговорками – безусловно.

Султан-халиф

Необходимо вспомнить и попытку создать всемусульманский конгресс, принятую лидерами Комитета «Единение и прогресс»⁵. После того как в Турции в 1918 г. младотурки были разгромлены кемалистами, оставшиеся на свободе лидеры и активисты партии уехали в Европу и создали там Лигу исламских революционных обществ (другой встречающийся перевод названия – «Общество единства революции с исламом») во главе с апологетом панисламизма и пантюркизма Энвером-пашой⁶, которая в 1921 г. собрала в Москве небольшое число (немногим

⁴ *Умм аль-Кура* (араб.) – «Мать городов», общепринятое в исламском мире название Мекки.

⁵ «Иттихад ве теракки» – созданное в 1889 г. сначала общество, затем партия младотурок, выступавших за свержение султана Абдул Хамида II и возвращение к конституции 1867 г., которые в 1908 г. совершили в Турции вооруженный переворот.

⁶ Энвер Исмаил, известный как Энвер-паша (1881–1922) – турецкий военный и политический деятель, один из лидеров младотурецкой революции 1908 г., военный министр Османской империи во время Первой мировой войны, идеолог пантюркизма, один из руководителей басмаческого движения в Центральной Азии. В 1903 г. окончил Военную академию Генштаба, после победы младотурок провозгласил восстановление конституции 1876 г., в 1909–1911 гг. был военным атташе в Германии, восторгался германской армией. В 1913 г. организовал переворот, после которого в стране стал фактически править триумvirат в составе Энвера-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши, во время Первой мировой войны занимал пост заместителя главнокомандующего, каковым был сам султан. Явился одним из организаторов армянского геноцида. В 1918 г. бежал в Германию. В 1920 г. приехал в Москву, делал заявления о союзе с большевизмом, в 1921 г. был направлен советскими властями в Бухару для участия в переговорах с местным духовенством, но вскоре решил поднять антибольшевистское панисламистское восстание, после объединения с басмачами стал главнокомандующим всеми басмаческими отрядами, в 1922 г. был убит в бою с бригадой Красной Армии недалеко от г. Балджуана (современный Таджикистан, Хатлонская область), место его захоронения стало мазаром Хазрати-шаха. В 1996 г. его прах был передан президенту Турции Демирелю экс-премьер-министром Таджикистана, выходцем из Куляба И. Хаёевым.

более десятка) исламских представителей. На этом не очень масштабном мероприятии участники договорились о регулярном проведении в будущем таких конгрессов и создании филиалов Лиги. В Хартии Лиги говорилось: «Задача Общества – сделать мусульман, которых используют в качестве рабов, поработанных и угнетаемых империалистами и капиталистами, хозяевами своей собственной судьбы под руководством Турции; утвердить их свободную и независимую организацию в русле их национальной культуры и освободить их из плена. Целью Общества является создание организации, необходимой для выполнения вышеуказанной задачи путем духовного возрождения и объединения мусульман. В тех местах, где мусульмане составляют меньшинство, Общество будет пытаться обеспечить их гражданские права» [цит. по: 18, с. 123–125; 19, р. 175]. Руководство ВКП(б) и НКВД наивно считало, что благодаря популярности идей пантюркизма, которые проповедовал Энвер-паша, на том этапе тесно сотрудничавший с большевиками, его можно использовать в борьбе с басмачами в Туркестане.

М. Крамер пишет об известной организованной еще в 1918 г. в Германии немецкими посредниками встрече между лидерами Комитета и секретарем Коминтерна Карлом Радеком, решившим, что после разгрома организации они могли «служить целям советской политики в мусульманских землях. Поставленная задача не очень заметно отличалась от той, которую ставил перед собой Комитет “Единение и прогресс”»: распространение антиимпериалистической и, в особенности, антибританской пропаганды, подаваемой в исламской оболочке, на территории Анатолии, Плодородного Полумесяца, Ирана, Афганистана и Индии. Мало кто в то время задумывался о парадоксальности существования чисто исламского движения, направляемого из Москвы под эгидой Советов» [19, р. 70]. На самом же деле не было ничего парадоксального в том, что мусульмане симпатизировали Советской России, руководители которой опубликовали тайные договоры Антанты, объявили войну империалистам и поддерживали лозунги самоопределения мусульманских народов [ibid., р. 2]. Радек пригласил в Россию двух лидеров Комитета, один из которых – Талаат – отказался приехать, а другой – Энвер-паша – приехал с частью своих единомышленников в 1920 г.

В Британской Индии халифатистское движение появилось во время Первой мировой войны с целью защиты турецкого султана-халифа, а также в рамках решения задач, стоящих перед индийскими мусульманами в местной политике⁷. Симпатии халифатистов к туркам были связаны с широко распространенными антианглийскими настроениями, само его существование говорило о возможности освобождения от колониальной зависимости. Кроме того, по мнению американской исследовательницы Г. Минолт, «халифат символизировал собой извечное превосходство исламского права в мире. Для получивших западное образование умеренных [деятелей. – В. Н.] он воплощал принципы свободы и самоопределения народов. Для радикалов он был воплощением невозможности заимствования

⁷ О халифатистском движении в Британской Индии в 2007 г. под руководством А. Л. Сафроновой студенткой Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Петрупиной была написана курсовая работа, из которой взяты некоторые факты из истории этого движения. В этой работе цитируются интересные труды индийских идеологов халифатизма.